

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

УДК 330. 8

А. Н. Дубянский

ФИНАНСОВАЯ РЕФОРМА В РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

В этом году в нашей стране будет отмечаться двухсотлетний юбилей Отечественной войны 1812 г. Эта война сплотила нацию и способствовала формированию русско-национального самосознания. Попытка реформы финансовой системы России была предпринята несколько ранее, в 1810 г., но по своей значимости для экономики страны она вполне сопоставима с войной 1812 г. Возможно, разработка «Плана финансов» М. М. Сперанского (1772–1839) имела влияние и на события Отечественной войны.

Император Александр I (1777–1825) и его Правительство были серьезно озабочены тяжелым положением денежного хозяйства страны в начале XIX в. Одной из главных проблем государственного бюджета было снижение доходов от внешней торговли. Присоединение России к континентальной блокаде, предусмотренное Тильзитским мирным договором в 1807 г., вызвало сокращение объемов внешней торговли со 120 млн до 83 млн рублей, потому что был потерян главный внешнеторговый партнер — Англия [1, с. 33]. Кроме того, приходилось содержать в боевой готовности большую армию, так как в Европе сохранялась сложная военно-политическая обстановка.

В 1809 г. разработку мер по нормализации российских финансов император поручил М. М. Сперанскому, что стало для него новым направлением деятельности, так как прежде ему не приходилось заниматься проблемами государственных финансов. Следует отметить, что выдающиеся способности этого государственного деятеля проявились в полной мере и на новом для него поприще. Сперанский привлек для разработки плана финансовых преобразований лучших ученых того времени, среди которых был профессор М. А. Балугьянский (1769–1847) из Главного педагогического института, в дальнейшем преобразованного в Санкт-Петербургский университет¹.

¹ Манифестом Александра I от 8 февраля 1819 г. Главный педагогический институт был переименован в Императорский Санкт-Петербургский университет. Позднее М. А. Балугьянский стал первым ректором этого Университета.

Александр Николаевич ДУБЯНСКИЙ — д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой истории экономики и экономической мысли экономического факультета СПбГУ. В 1987 г. окончил экономический факультет ЛГУ. В 2009 г. защитил докторскую диссертацию. Сфера научных интересов — история экономики и экономической мысли России, вопросы теории денег, современные макроэкономические проблемы. Автор более 60 научных публикаций, в том числе одной монографии.

© А. Н. Дубянский, 2012

Балугьянский был признанным специалистом в области политической экономии, финансов и права. Он получил хорошее систематическое образование европейского уровня в Венском университете. В России того времени трудно было найти специалистов с таким уровнем подготовки. Например, Д. А. Гурьев имел домашнее образование. Балугьянский был знаком не только с идеями А. Смита (1723–1790), Д. Рикардо (1772–1823), но и с трудами французских экономистов, таких как А. Р. Ж. Тюрго (1727–1781), Ж.-Б. Сэй (1767–1832). М. А. Балугьянский не только обладал энциклопедическими знаниями, но и имел способность творчески использовать свой научный потенциал, претворяя его в различные проекты, программы, документы и т. д. К тому же он по совместительству работал в Комиссии составления законов. К работе над планом финансовых преобразований были привлечены также Ф. Г. Вирст (1762–1831), получивший широкую известность благодаря своим работам в области финансов, и профессор Харьковского университета теоретик банковского дела Л. Г. Якоби (1759–1827).

Результатами коллективного труда Сперанский остался не удовлетворен и решил вернуться к наработкам профессора М. А. Балугьянского, изложенным им в Записке, в свое время подготовленной для императора, по поручению главы Комиссии составления законов Д. А. Гурьева (1751–1825). Сперанский увидел, что первоначальная, индивидуальная работа Балугьянского была более качественной, чем коллективный труд. В результате Сперанский предложил ему еще раз просмотреть документ и внести необходимые изменения. В дальнейшем эту Записку Балугьянского, написанную на французском языке², Сперанский перевел на русский язык и значительно переработал, а также дополнил своими идеями.

Затем проект еще раз был обсужден и частично дополнен, но уже в особом комитете Д. А. Гурьева (министр финансов в 1810–1823 гг.). В этом обсуждении принимали участие видные государственные деятели того времени, такие как Н. С. Мордвинов (1754–1845), В. П. Кочубей (1768–1834), Б. Б. Кампенгаузен (1772–1823). Окончательный вариант «Плана финансов» был представлен Александром I Государственному совету на его первом заседании 1 января 1810 г. в день открытия этого нового для России института государственного управления.

Завершая рассмотрение вопроса о мероприятиях по формированию «Плана финансов», стоит отметить роль М. А. Балугьянского в его подготовке. В российской историко-экономической литературе вклад этого ученого в развитие финансовых реформ или принижается, или вовсе умалчивается. Например, современный экономист А. Г. Коломиец утверждает, что главным автором «Плана финансов» был М. М. Сперанский, а в разработке участвовали Д. А. Гурьев и Н. С. Мордвинов [2, с. 245]. Роль последнего в составлении плана невелика, он принимал участие только в его обсуждении. Д. А. Гурьев не имел необходимых компетенций в финансовой сфере, да и вообще, по замечаниям современников, он «обладал умом неповоротливым, и ему трудно было удержать равновесие рассуждений». В то же время ему были присущи организаторский талант и умение разбираться в людях, благодаря которым он стал в дальнейшем «сильным» министром финансов в Правительстве Александра I³. Именно Гурьев одним из первых обратил внимание на способности М. А. Балугьянского и стал привлекать его к работе в сфере государственных финансов. Некоторые исследователи считают,

² М. А. Балугьянский владел русским языком, но практически не говорил на нем и тем более не писал научных трудов.

³ Подробнее о Д. А. Гурьеве см. [3].

что истинным автором финансовых новаций, предложенных впоследствии Гурьевым в бытность его министром финансов, является не кто иной, как М. А. Балугьянский (см., напр., [4; 5, с. 81; 6, с. 34].

Если рассматривать взаимоотношения Сперанского и Балугьянского, то в совместной работе над планами финансовых преобразований в России эти государственные деятели удачно дополняли друг друга. «Недостаток Балугьянского и, наоборот, преимущество Сперанского заключались в незнании первым и в превосходном знании вторым русской действительности и административной машины по опыту с малых должностей» [7, с. 38]. Кроме того, в области финансовых наук Сперанский был неопитом и изучал их путем самообразования. Он был, конечно, одаренным человеком, но за считанные месяцы вряд ли смог освоить все премудрости необходимых экономических дисциплин. На наш взгляд, именно поэтому в качестве основы для предстоящих финансовых реформ была взята Записка М. А. Балугьянского [8]. Таким образом, можно считать, что именно М. А. Балугьянский явился тем, кто «положил первый камень» в основание финансовых реформ в России.

«План финансов» состоял из двух частей: в первой части рассматривались неотложные меры по упорядочиванию русских финансов в 1810 г. Вторая часть была посвящена уже стратегическим вопросам развития финансового хозяйства в период после 1810 г. В качестве неотложных мер в первой части плана предполагалось сбалансировать доходную и расходную части бюджета страны. Для этого рекомендовалось сократить издержки, связанные с расходами государства на строительство дорог, содержание учебных заведений и некоторые штатные расходы министерств. Кроме того, предполагалось увеличить доходную часть бюджета, во-первых, за счет восстановления правильного исчисления существовавших налогов, во-вторых, путем повышения налогов в 2 раза. А. Н. Гурьев по этому поводу отмечал недостаточность двукратного повышения податей, так как ассигнации (которыми в то время обязаны были платить подати) обесценились за этот период в 2,5 раза [9, с. 56]. Стоит отметить, что инфляция в то время практически не учитывалась Правительством как при планировании доходной части бюджета, так и при сборе налогов⁴.

Во второй части «Плана финансов», как уже отмечалось, речь шла о будущем устройстве русских финансов. Эта часть распадалась на четыре раздела: 1) о расходах; 2) о приходах; 3) о системе монетной и кредитной; 4) об управлении. Два первых раздела были посвящены теоретическим вопросам «правильного» устройства финансового хозяйства страны. С точки зрения теории финансов следовало создать новые источники доходов. В частности, предлагалось ввести поземельную подать, которая со временем должна была заменить подушную подать, а также внутренние акцизы, пошлины и прочие виды фискальных платежей. В третьем разделе речь шла об устройстве совершенной кредитной и монетной систем. Под совершенной системой предполагалось создание не идеальной денежной системы, что невозможно в принципе ни в одной стране, а в России тем более в силу низкого уровня развития экономики и средств коммуникации, а нормально функционирующей. По мнению Сперанского, в основе совершенной монетной системы должна лежать монета, обладающая достоверностью, удобством и обширностью. Под достоверностью монеты понималось наличие у нее внутреннего независимого достоинства, иначе говоря, она должна быть

⁴ Подробнее об инфляции в нерыночных экономиках см. [10].

изготовлена из благородных металлов. Кроме того, достоверность монеты должна быть подтверждена печатью Правительства. Сперанский намеревался организовать новую денежную систему посредством создания «банка на серебре» [11, с. 55].

Удобство монеты должно определяться дешевизной ее перемещения по территории страны и низкими издержками обращения. Обширность предполагает как можно большее количество сфер, где монета может применяться, не утрачивая своего первоначального достоинства. Сперанский считал, что раньше монеты из золота и серебра соответствовали всем вышеназванным свойствам, но развитие торговли привело к тому, что и монеты из благородных металлов стали неудобны в обращении из-за слишком высоких издержек по их перемещению. Потому бумажная валюта была объективно необходима для рационализации денежного обращения, но она должна была быть не неразменной как ассигнации, а кредитной с обязательным разменом на серебро.

Ассигнации Сперанский считал деньгами, лишенными собственной достоверности, которые по своей сути представляют собой скрытые долги. Эмиссия ассигнаций, по его мнению, представляет собой неопределенный налог, скрытно налагаемый на всех держателей этих бумажных денег. Больше всего Сперанского смущала невозможность учета монетарной инфляции (в современной терминологии), выражающейся в обесценении ассигнаций [11, с. 55–56].

Основные издержки от выпуска ассигнаций нес государственный бюджет, так как в него поступали бумажные деньги в качестве платежей без учета их обесценивания, а расходы, напротив, производились уже с учетом роста цен. Также от инфляции страдали лица, имеющие фиксированные доходы (жалованье, пансион), которые получали их по номинальной стоимости без какой-либо индексации. Кроме того, несли убытки и кредиторы, дававшие деньги в займы, потому что долг возвращался исходя из курса ассигнаций на момент заключения договора.

Данным программным документом предусматривались жесткие меры по нормализации финансового положения страны. В русле их реализации в 1810 г. вышла серия указов, из которых к числу «замечательнейших постановлений» своего времени Н. Х. Бунге относил следующие законы: Манифест от 2 февраля 1810 г. «О мерах к уменьшению государственных долгов, о прекращении выпуска в оборот новых сумм ассигнациями и о возвышении некоторых податей и пошлин»; Манифесты того же 1810 г. — от 20 июня «О новом устройстве монетной системы» и от 29 августа «О новой серебряной и медной монетах». Последним в этой череде законов появился Манифест от 9 апреля 1812 г. «О введении повсеместного единообразного обращения государственных банковских ассигнаций».

Полное название первого из перечисленных указов звучит так: «О мерах к уменьшению государственных долгов; о прекращении выпуска в оборот новых сумм ассигнаций, и о возвышении некоторых пошлин и податей», что почти полностью отражает его суть. Кроме того, в этом указе государство признавало все выпущенные ассигнации государственным долгом: «Все государственные банковские ассигнации, ныне обращающиеся, признаются, так как и всегда они были признаваемы государственным долгом, обеспеченным на всех богатствах империи» [12, с. 55]. И это не было декларацией, о чем свидетельствует отчет Сперанского императору Александру I о состоянии финансов: «125 миллионов дохода, 225 миллионов расхода, 577 миллионов долгу» [13, с. 421]. Количество ассигнаций в то время как раз равнялось 577 млн рублей.

В преамбуле Манифеста от 2 февраля 1810 г. провозглашалась идея о том, что сумма уже выпущенных ассигнаций является своего рода налогом, бремя которого несли в разной степени все слои русского общества. Далее делался вывод о том, что если сохранится такое положение дел, то финансовая система придет в полное расстройство, а значит, ее реформирование — насущная необходимость.

Меры по реформированию русских финансов предлагались следующие. Во-первых, необходимо было сбалансировать государственный бюджет путем уменьшения его расходной части. Все расходные статьи должны были быть обеспечены соответствующими доходами. Во-вторых, предполагалось прекратить новые выпуски ассигнаций, ведь именно путем эмиссии бумажных денег Правительство финансировало дефицит государственного бюджета. Если же бюджет сбалансировался, то, естественно, в дальнейшем можно было отказаться от новых выпусков ассигнаций. Все эти меры имели главной целью укрепление курса русских бумажных денег вплоть до восстановления их нарицательной стоимости. Правительство хотело вернуть доверие населения к бумажной валюте.

Интересно, что в Манифесте от 13 апреля 1810 г. устанавливалось, что сумма в 577 510 900 рублей не будет больше увеличена, а для округления планировалось уничтожить 510 900 рублей и оставить в обращении неизменную сумму — 577 млн рублей. Однако нужно отметить, что в реальности в 1810 г. в обращении находилось не 577 млн рублей ассигнациями, а 534 млн рублей, остальные 43 млн предполагалось выпустить в обращение в течение года. Об этом «секрете Полишинеля» Правительства все знали, и поэтому доверие к ассигнациям падало. Это обстоятельство расстраивало планы Правительства, потому что курс ассигнаций зависел не от расчетных объемов бумажно-денежной массы, а от фактически обращающегося их количества.

Следующим Указом, появившимся несколько позже, 27 мая 1810 г., предусматривались конкретные меры по стабилизации финансового положения страны, непосредственной же целью данного документа являлось сокращение бумажно-денежной массы. Для этого Правительству требовались значительные средства, поскольку уменьшать количество ассигнаций можно было только путем их выкупа у населения с последующим уничтожением. Выкуп бумажных денег логически вытекал из признания их государственным долгом. В данном Манифесте предлагались источники и способы получения средств, необходимых для проведения названных мероприятий.

В качестве первой меры предусматривалась продажа в течение пяти лет различных видов государственного имущества, таких как казенные леса, оброчные статьи, государственные имения. Впрочем, по замечанию П. А. Шторха, последующая практика распродажи государственных имуществ себя не оправдала, так как принесла в казну очень незначительные средства. Мало того, государство, по его словам, понесло значительный ущерб из-за продажи лучших доходных имений за бесценок с различными льготами и рассрочками [14, с. 39].

Другим способом пополнения государственной казны считался внутренний заём. По мысли реформаторов, ассигнации, полученные в обмен на облигации, подлежали сожжению. Проект по размещению облигаций займа на сумму в 100 млн рублей стартовал 15 июля 1810 г. Предполагалось осуществить пять выпусков по 20 млн каждый. В действительности был сделан только один выпуск. Каждая облигация приносила своему владельцу 6% ежегодного дохода. К 1817 г. Правительство обязывалось возратить внесенные ассигнациями вклады, но уже золотом или серебром из расчета

2 рубля ассигнациями за один серебряный рубль. Если же вкладчик предпочитал бессрочные облигации, то расчет велся исходя из другой, более выгодной для клиента пропорции, а именно 1,5 ассигнациями за один рубль звонкой монетой, но с более низкой ставкой ежегодного дохода в 4,5%.

Заём сулил очень большие выгоды вкладчикам. Так, за один рубль серебром давали 324 коп. ассигнациями, а при покупке облигаций курс поднимался до 2 и 1,5 рублей в бумажной валюте. Государство же в будущем должно было нести очень серьезные финансовые потери из-за курсовой разницы. Главная проблема этого займа заключалась в том, что государство переводило беспроцентный долг, существовавший в ассигнациях, в процентный долг, но уже в облигациях. Между тем процентный долг имеет свойство увеличиваться, даже если выплачивать вовремя проценты, но не уменьшать основное «тело» долга. Именно в этом изменении природы российского государственного долга состояла, на наш взгляд, главная ошибка реформаторов. Идеализм и педантичное следование господствовавшим в то время экономическим доктринам в данном случае возобладали над финансовым расчетом, и в этом, в частности, проявилось отсутствие необходимого практического опыта у выдающегося государственного деятеля.

В рассматриваемом пакете указов был еще один важный закон — Манифест от 20 июня 1810 г., который касался непосредственно принципов денежного обращения: «...уничтожал ассигнационную монетную единицу и установил не переменяемую монетную единицу и законною мерою всех монет, обращающихся в государстве, серебряный рубль, сотня которого должна иметь вес 5 фунтов и 6 золотников лигатурного серебра 83,5 пробы» [14, с. 39]. Другими словами, в России юридически ликвидировалась параллельная денежная система, когда одновременно были в обращении серебряные рубли и ассигнации, и восстанавливался серебряный монометаллизм⁵.

По мнению И. И. Кауфмана, Манифест представлял собой, по сути, первую попытку обобщения законов денежного обращения, и это было его единственным достоинством. В целом же Кауфман негативно оценивал законодательные инициативы М. М. Сперанского, считая, что «нового в ней (попытке законодательного обобщения. — А. Д.) было очень немного, а то, что было ново, отличалось сбивчивостью и малою жизнеспособностью» [16, с. 179]. Возможно, считал ученый, именно поэтому реформа русских финансов по Сперанскому и не удалась.

Негативно оценивал план Сперанского известный русский историк Н. М. Карамзин. Он детально исследовал его в своей «Записке о древней и новой России», представленной Александру I в 1811 г. Особенно ему не нравилось то, что ассигнации были признаны государственным долгом. Карамзин, не будучи сведущим в финансовых вопросах, интуитивно чувствовал, что это неправильно, так как ассигнации уже давно служат средством обращения и средством платежа податей и налогов. Если говорить языком современной экономической науки, то полезность от использования бумажных денег в качестве средства обращения и платежа получают в равной степени и частные лица, и государство. Поэтому деньги являются активом как для государственного, так и для частного сектора, а не только обязательством для государственного сектора в случае объявления их государственным долгом. Отрицательно оценивалась Н. М. Карамзиным и предполагавшаяся практика изъятия из обращения ассигнаций путем их

⁵ Подробнее об этом см. [15].

выкупа, который писал, что «сделается остановка в торговле и платежах» и «многие сделаются банкротами прежде, нежели установится новый порядок вещей, соразмерный с количеством денег в государстве» [17, с. 2316–2317].

Более глубокую критику политики восстановления ценности ассигнаций путем уменьшения их массы высказывал известный русский экономист П. П. Мигулин, правда, относительно другого периода истории русских финансов. Он отмечал, что восстановление паритета между ценностью бумажных денег и металлических было бы более несправедливо, чем сама девальвация бумажных денег. Мигулин считал, что «такое строгое выполнение государством своих обязательств принесло бы выгоду случайным держателям бумажных денег в момент расплаты по ним металлом, а не тем лицам, перед которыми государство когда-то обязалось» [18, с. 14]. Вопрос о справедливости экономических преобразований является неоднозначным, но в России этот аспект реформ всегда стоит учитывать⁶. Очевидно, что позиция Н. М. Карамзина и П. П. Мигулина по вопросу о выкупе ассигнаций отчасти совпадала с мнением Е. Ф. Канкрин, будущего министра финансов России, который прекратил этот выкуп, считая его экономически нецелесообразным.

Известный биограф М. М. Сперанского русский ученый А. Э. Нольде, говоря о провале «Плана финансов», отмечал, что Сперанский впервые обратил внимание на сложность финансовых проблем России и предпринял попытку их решения. Он также верно подчеркнул, что, несмотря на критику Сперанского, его противникам «приходилось незаметно для себя идти по тем путям, которые он наметил» [19, с. 98]. Действительно, министр финансов Д. А. Гурьев, хотя и был идейным противником Сперанского, проводил в жизнь практически все те мероприятия, которые предлагались в «Плане финансов». Это, впрочем, и неудивительно, ведь идейным вдохновителем и программы Гурьева, и «Плана финансов» был один и тот же человек, а именно М. А. Балугьянский.

На самом деле, как представляется, главной причиной неудач реформы можно считать ее крайнюю несвоевременность. Внешнеполитическая ситуация в Европе, обострившаяся, в частности, из-за континентальной блокады, повышала вероятность новой войны с Наполеоном и, следовательно, предстояли крупные военные расходы, которые в российских условиях могли быть обеспечены только путем эмиссии ассигнаций. Видимо, Сперанский это понимал, но был вынужден действовать в условиях жесткой бюрократической конкуренции за влияние на императора, поэтому он не мог ждать более удобного момента для реализации своих реформаторских замыслов. Кстати, в опалу он попал как раз в марте 1812 г.

Как мы уже отмечали, Сперанский до создания «Плана финансов» вообще не был знаком с финансовыми проблемами ни в практическом аспекте, ни в теоретическом⁷. Теория финансовой науки была основательно усвоена этим выдающимся государственным деятелем, но практическую сторону финансов из книг не усвоить, нужен был опыт практической деятельности в этой сфере, которого у него не было. Вероятно, этим можно объяснить просчеты М. М. Сперанского при практическом осуществлении его плана. Надо заметить, что Е. Ф. Канкрин имел богатый опыт практической

⁶ Достаточно вспомнить отношение российского общества к современным реформаторам Е. Т. Гайдару и А. Б. Чубайсу, проводившим реформы, соответствующие экономической доктрине монетаризма, но явно несправедливые по отношению к большей части населения страны.

⁷ О роли М. А. Балугьянского в составлении «Плана финансов» уже говорилось выше.

финансовой деятельности, что в дальнейшем ему очень помогло во время пребывания на должности министра финансов. В частности, еще в первые годы пребывания в России он работал и бухгалтером, и комиссионером, что было нехарактерно для российского чиновника его уровня в то время.

В заключение можно отметить, что попытка построить в России современную финансовую систему не удалась. В случае удачного завершения реформы Россия, возможно, более успешно провела бы войну, ставшую впоследствии Отечественной. Главная причина провала преобразований финансовой системы лежит на непоследовательной и противоречивой политике Александра I и лишь отчасти на М.М. Сперанском, не сумевшем донести свои идеи до управленческой элиты царской России.

Литература

1. Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005.
2. Коломиец А. Г. Финансовые реформы русских царей. От Ивана Грозного до Александра освободителя. М., 2001.
3. Марней Л. П. Д. А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в. М.: Идрик, 2009. 272 с.
4. Баранов П. Михаил Андреевич Балугьянский, статс-секретарь, сенатор, тайный советник (1769–1847): биографический очерк. СПб., 1882.
5. Середонин С. М. Граф М. М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. СПб., 1909.
6. Штейн В. М. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX веков. Л., 1948.
7. Фатеев А. Н. Академическая и государственная деятельность М. А. Балугьянского в России. Ужгород, 1931.
8. Белозеров С. А., Дубянский А. Н. Михаил Андреевич Балугьянский // Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет / под ред. В. В. Ковалева. М.: Проспект, 2009. С. 109–116.
9. Гурьев А. Н. Денежное обращение в России в XIX столетии. СПб., 1903.
10. Протасов А. Ю. Циклическая динамика инфляции // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2007. Вып. 2. С. 39–48.
11. Сборник Императорского Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 45. СПб., 1885.
12. Полный сборник законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 31. № 24. 116 .
13. Сперанский М. М. Отчет в делах 1810 г. // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002.
14. Шторх П. Материалы для истории государственных денежных знаков в России. СПб., 1868.
15. Дубянский А. Н. Проблема параллельных денег в России в первой половине XIX века // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2002. Вып. 1. С. 133–137.
16. Кауфман И. И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. СПб., 1910.
17. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России// Русский архив. 1914. С. 2316–2317.
18. Мигулин П. П. Регулирование бумажной валюты в России. Харьков, 1896.
19. Нольде А. Э. М. М. Сперанский. Биография. М., 2004.

Статья поступила в редакцию 5 марта 2012 г.